

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 21

1 марта 1944 года

№ 21

содержание:

428
За счет и право

★

Беседа старого казака с молодыми I.

★

Современный воздушный бой
— С. Немеров

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краенов

★

В Пинских лесах — В. Никонов

★

Таис (продолжение) — Т. Левшина

★

Казачье поселение в Крыму — Г. Иновский

★

Встреча друзей-врагов — А. Державин

★

Спасение Кубанских регалий

★

Как разыскать своих родных?

Генерал от кавалерии Кестринг назначенный Верховным
Командованием Генералом Добровольческих Войск

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

За честь и право

Железный Крест и Крест Военных Заслуг жалуются в награду казачьим (а также украинским, кавказским и другим) добровольцам.

Верховное Командование Германских Вооруженных Сил объявляет:

Фюрер постановил — всем, состоящим в казачьих (украинских, кавказских и других) добровольческих частях, которые ему присягнули и сражаются на стороне Германских Вооруженных Сил, или их союзников, вместе со «знаком за Храбрость» и «знаком за Военные Заслуги», для принадлежащих к народам Востока, может быть пожалован «Железный Крест» или «Крест Военных Заслуг» за **ОСОБУЮ** храбрость и за проявление **ВЫДАЮЩИХСЯ** заслуг.

Условием для награждения «Ж. К. 2 класса» является полученный уже «Серебряный Знак за храбрость 2 кл.», а для награждения «Ж. К. 1 кл.» — полученный уже «Серебряный Знак за храбрость 1 кл.».

Условием для награждения «К. В. З. 2 кл.» является полученный уже «Серебряный Знак за военные заслуги 2 кл.», а для награждения «К. В. З. 1 кл.» — полученный уже «Серебряный Знак за военные заслуги 1 кл.».

Боевое испытание казачьих (украинских, кавказских и других) добровольческих частей в борьбе против общего врага — большевизма и плутократии — показало, что они безусловно стали на сторону Европейской Семьи Народов, т. е. на сторону чести и права. Постановлением жаловать им германские знаки отличия это наглядно подтверждается.

Из этого следует, что в настоящей борьбе на жизнь и смерть, доброволец имеет равные права со своим германским товарищем по оружию.

Тем же, кто еще и теперь стоит в стороне и по малодушию или по незнанию ожидают результатов этого движения, или связывают свое участие в борьбе какими либо условиями, еще раз должно быть сказано:

Только безусловная борьба и жертвенное участие вернейших сынов этих народов, может добыть им лучшее будущее — жизнь на основах права и чести.

Беседы старого казака с молодыми

Беседа первая

О воинской части

Вот, пришел я к вам на беседу, а как звать, величать вас не знаю.

Чтобы не обидеть вас и чтобы было это хорошо и верно.

Когда мы жили в советском союзе в ходу у нас было слово товарищ. Что говорить — хорошее слово. И не новое, а очень, очень старое. Это и раньше, когда в Императорской армии служили — ходовое было слово. Товарищ по полку, товарищ по училищу, по школе; товарищ по несчастью. Очень точное и меткое слово было. Да, именно, было...

Потому что, как стали — и жид-комиссар, и наглый разъевшийся НКВД-ист — товарищами; и Сталин — товарищ, и Ворошилов, и палач толкает жертву на казнь и тоже говорит: — «товарищ, поспешай, некогда с тобой тут бузу разводить», — стало это слово опошленным и как то — ... неприятным.

Раньше еще называли на таких вот беседах слушателей — офицеров, студентов, так вообще разных людей — господ. Теперь это тоже вышло из употребления. Еще ктонибудь крикнет: — «какие мы тебе господа?!». Кто помоложе крикнет... а хорошее было слово, потому что каждый сам себе господин и все мы вместе — господа. Ну все так откинем это слово.

До революции в ходу было слово — братцы. Все люди — братья. Но тут — «братцы», а не братья. Это, конечно, верно, но революция откинула, просто сказать, съела это слово. Еще говорят теперь — братишки; но для нашей серьезной беседы это слово не годится.

Лет полтора тому назад, во времена Суворова и Платова, в ходу было слово друзья. И тоже

как то отошло, отмерло. Да теперь — ?... Оглянитесь кругом. Все ли мы друзья между собою? Иной, может быть, камень против тебя за пазухой держит. Слово «друг» — великое. Это имя нужно еще заслужить. Годами многих общих лишений и боевых опасностей. Сорить этим словом не будем.

У нас, казаков, слава Богу, проще.

Чужие, посторонные, Русские, нас зовут: — «станичники». Потому что жили казаки не по деревням, не по селам, а по станицам. Только не очень приглянулось нам это слово. И вот почему: — если где случится большой грабеж, или воровство в деревне — говорили мужики: — «ну, тут, вестимо, станичники похозяйничали»... Сами же казаки в таких случаях говорят, желая приветствовать: — «хуторцы», а если встретит служившего в одном полку однополчанина — скажут — полчки.

Есть отличное слово — атаманы молодцы. Но это уже парадное, «официальное» торжественное слово. Оно напоминает каждому казаку о том, что у нас, казаков, — равенство. Нет у нас ни больших ни меньших, но все равны. Каждый казак атаманом может быть. Не зря и говорится: — «терпи казак — атаманом будешь».

А для простой, вот такой, как наша, беседы с вами у нас есть распрекраснейшее обращение: — «казаки». В нем — все: — и гордость своим казачьим именем, и мое к вам уважение, и постоянное напоминание, что вы казаки и лучше этого для вас ничего не может быть.

Итак: —

К а з а к и ! . . .

Первая моя беседа с вами, казаки, будет о том, что такое воинская часть: — рота или эскадрон.

Если я возьму двести молодых, здоровых креп-

ких людей, поставлю их в две, или три шеренги, дам им винтовки, если даже случайно все они умеют стрелять — будет это рота?

Нет. Это будут двести молодых людей, умеющих стрелять, но не воинская часть — рота.

Чтобы им стать ротою, то есть организованною, боеспособною частью необходимым: —

Военная иерархия, то есть организация роты.

Воинское ее воспитание.

Муштра.

Обучение строю и владение оружием.

Обучение маневру на местности. Тактическое обучение роты.

Итак военная иерархия:

В № 17 нашего журнала «На казачьем посту» было помещено блестящее по форме и по содержанию стихотворение Сибирской казачки Марии Волковой: — «О доблести».

Оно вас заинтересовало. Вы его прочитали и обсудили. Вы его не поняли и нашли, что оно «дезорентирует читателя в таком важном вопросе». Все это ваше непонимание произошло именно потому, что вы не подумали о том, что такое «военная иерархия».

Вы требуете от каждого «осознания задач борьбы и ее целей». Как было-бы прекрасно и легко руководить войсками, если-бы — уже не говорю, — каждый казак, но хотя-бы каждый лейтенант, понимал и сознавал до конца, до решимости отдать свою жизнь задаче борьбы и ее цели. Вы говорите, что выполнить нужно не «чей-то» приказ но «боевой приказ вождя, приводящего к желанной цели и являющегося в тоже время исполнителем и выразителем желаний и стремлений миллионных масс, одушевленный великою идеей национал-социализма». Слов нет — хорошо, громко сказано; хотя и пущено много словесного тумана. Но вот этот приказ нашего Вождя будет лишь тогда исполнен в бою, когда у исполнителя будет — «доблесть без прикрас». Вождь не может отдавать приказ каждому солдату своих армий. Он отдает лишь общую «директиву» всем многочисленным армиям и эта директива путем стройно поставленной военной иерархии в нужный день и час доходит до единичного бойца. И этому-то бойцу в какой то грозный, быть может, роковой для него час и придется: —

«Забуть весь мир для цели высшей,

Желанья волей победив;

В единый жертвенный порыв»...

Этот боец, отправляясь, чтобы: —

«И день любя — уйти во тьму,

Подать безглазой смерти руку,

Как будто другу своему...»

услышит и выполнит приказ не Вождя Германского народа, но своего лейтенанта, быть может, своего унтер-офицера, или старшего звена — именно «чей-то».

Называть этих исполнителей воли Вождя, поставленных им, или через него начальников — «любыми проходимцами» — «по меньшей мере глупо» и во всяком случае легкомысленно и неосторожно.

Военная иерархия роты, (как и всякой другой части) и приведет в конечном счете к «кому-то», кто будет отдавать последнее боевое приказание,

призывающее к воинской «доблести без прикрас», готовой: —

«Клубком кровавых ключев стать;

Исчезнуть в миг, пропасть без вести...»

Маленькая величина — рота (эскадрон), а так сложно и точно она должна быть оборудована!

В ней: — ротный командир, младшие офицеры — полуротные командиры. Они создают и обучают роту. Они заботятся о ней, о ее внутреннем и внешнем благополучии. Они ведут ее в бой.

Они создают ее костяк: — фельдфебеля, взводных унтер-офицеров; отделенных унтер-офицеров, ротного каптенармуса, фельдшера, а в эскадроне и ветеринарного фельдшера, писаря, сапожника, портного, артельщика, кашевара... да... да... эти двести человек, которые стоят в две или три шеренги лишь тогда примут подобие роты, когда все эти большие и маленькие ее чины станут на свои места. Удалите одного из них и рота сейчас же это почувствует.

Ведь — рота «кушать» хочет. Ее нужно кормить; и чем заботливее ротный командир, тем внимательнее подберет он кашевара, чтобы из немецкого солдатского пайка соорудить казачьему вкусу приятную пищу — обед и ужин. А, как это сделать, ему поможет выборный казаками артельщик. Он то уже разстарается добыть какую нибудь вкусную, любимую казаками приправу — то ли лук, то ли перец достанет, или помидорную затирку? Глядишь, — а рота придет на обед и радостно ухмыляются лица казаков: — родной дом напоминает... Запах то какой!.. а вкус — и не говорите!

Германское правительство прекрасно и заботливо одевает казаков. Но ведь всякая вещь снос имеет. Нужно зачинить, заштопать дырку, да хочется скорее иметь заслуженную нашивку, лампас на шаравары, нарукавный значек... Сапоги прохудились, подошвы отстают — как же, казаки, в роте быть без портного и сапожника? Маленькие они люди, незаметные, а какие в роте нужные! О фельдшере и не говорю. Со всякой болячкой, с царапиной; полученной в бою, не в лазарет-же лазить? Нужен фельдшер, как в эскадроне нужны и ветеринарный фельдшер и эскадронный и взводные кузнецы. И писарь нужен. Без писанины не обойтись. Ротную артельную сумму нужно создать. Да еще нужен и переводчик...

В роте много оружия и казенного имущества; — куда девать его раненому, больному, уволенному в отпуск, кто будет беречь его, кто будет ходить получать его и выдавать... — вот нужен каптенармус.

Унтер-офицеры — ближайшие помощники офицеров в деле наблюдения, обучения и воспитания роты. Наконец — фельдфебель или вахмистр. За всяким делом к командиру не сунешься; всякую мелочь и ротный не доглядит. Вот и есть при нем недреманное око над ротой — фельдфебель — по существу — внутренний хозяин роты.

Вот только так обставив этих двести человек мы получим роту, но она далеко еще не будет воинскою частью.

О том, что нужно делать дальше, казаки, в следующий раз.

Старый казак.

(Продолжение следует).

Современный воздушный бой

Превосходство германских истребителей над «летающими крепостями»

В европейской воздушной битве, которая разыгрывается над Западной частью континента и над территорией Германии, происходит состязание между двумя различными видами оружия: американскими «летающими крепостями», считающимися одними из самых больших бомбардировщиков в мире, и германскими истребителями, построенными по последнему слову техники, и признанными лучшими в мире самолетами этого типа.

Американцы исходили из характерной для них переоценки массы и материала, считая, что их бомбардировщики, со всех сторон богато оснащенные оборонительным оружием, являются неуязвимыми для истребителей. Обычные преимущества истребителей над бомбардировщиками — большая скорость, подвижность и концентрационная сила оружия — должны были, по расчету американцев, сойти на нет при встрече с чудовищными бомбардировщиками. Последним, до зубов вооруженным и способным открыть интенсивный огонь в любом направлении, не требовалось даже особенной поворотливости, чтобы вступить в воздушный бой с истребителями. Таким образом, возникли американские «линкоры воздуха», типу которых в общем соответствуют английские бомбовозы — «Галифакс» и «Либерейторы», вооруженные десятью сверхтяжелыми пулеметами, и имеющие на своем борту до десяти человек команды.

Однако, очень скоро выяснилось, что германские истребители «Мессершмидт 109» и, особенно, новейшие самолеты «Фокке Вульф 190» в состоянии уязвить «летающие крепости». Летчики германской истребительной авиации, по своему тактическому искусству далеко превосходящие менее опытного противника, выработали различные методы нападения как в одиночном бою, так и в групповом. Это превосходство летного состава привело к уничтожению многих тысяч неприятельских самолетов.

Так началась тактическая борьба между мощно вооруженными «летающими крепостями» и небольшими, но стремительными и обладающими смертоносной силой, германскими истребителями.

После первых больших неудач, американцы еще больше усилили огонь своих «летающих крепостей», чтобы, таким образом, создать настоящий огневой щит, пробить который не было бы практической возможности.

Германская авиация использовала весь свой богатый опыт в воздушной войне, чтобы разбить планы американцев и, несмотря на все, прорвать огневой круг, затем рассеять соединения противника с тем, чтобы потом уничтожить бомбардировщиков по одиночке. Результаты последних больших воздушных битв над Западной Европой не оставляют сомнения в том, что германские истребители блестяще справились с этой тяжелой задачей.

Германский военный корреспондент в следующих словах характеризует тактику американцев: соединения бомбардировщиков во время своего налета обычно имеют форму лестницы. Бомбардировщики передовой линии не нагружены бомбами, но зато вооружены тридцатью пулеметами, которые защищают остальных бомбардировщиков спереди. Позади с правой стороны, на большой высоте летит эскадрилья, имеющая бомбовой груз и оборонительное оружие, которое действует, главным образом, в правую сторону.

Вслед за этими тремя эскадрильями, в форме лестницы следуют другие соединения с бомбовым грузом. Эти машины пользуются оборонительным оружием во всех на-

правлениях. Вокруг всего соединения находится еще целое кольцо «летающих крепостей» без бомбового груза, которые охраняют воздушный караван.

Как видно, все построение воздушного каравана строго продумано и соответствует американскому принципу «масса и материал непобедимы». Если прибавить к этому, что стан «летающих крепостей» часто эскортируются еще и истребителями, летающими над бомбовозами, то картина станет полной.

Благодаря чему же германские истребители поражают в воздушных боях соединения неприятельских бомбардировщиков?

Прежде всего, «Фокке Вульф 190» являются самыми быстрыми и самыми подвижными истребителями в мире; сила огня их необычайно эффективна. Вторым преимуществом этих истребителей является опыт четырехлетних боев на всех фронтах, который передается германскими летчиками молодой смене.

Первая задача германских летчиков заключается в том, чтобы оттеснить неприятельские истребители, охраняющие воздушные караваны. В то время, как предназначенные для этого германские истребители сбивают американские самолеты типа «Тсандербольт», новые волны немецких истребителей нападают на соединения бомбовозов, нападая на них целыми эскадрильями-сверху или снизу, или одновременно со всех сторон, вывести отдельные бомбовозы из строя и сбить «летающие крейсера», предназначенные для защиты других бомбовозов. Коротко говоря, «Фокке Вульф 190», согласно указаниям командиров соединений, передаваемым по радиотелефону, выполняют трудную «мелкую работу», ставя себе задачей отогнать возможно большое число бомбовозов от замкнутого соединения. Германские истребители стремятся прорвать «забор» оборонительного огня противника и превратить общее сражение в ряд отдельных воздушных боев. Для уничтожения одного четырехмоторного бомбовоза, подчас требуется четыре или пять операций. Нередко истребитель должен подавить один за другим огонь всех пулеметов бомбовоза, прежде чем удастся его сбить.

Когда истребители израсходуют все свое горючее, на их место появляются другие самолеты для продолжения боя. Целая сеть соединений истребителей, тянущихся от побережья вглубь континента, образует непрерывную и глубокую зону обороны. Каждый неприятельский четырехмоторный бомбовоз, отвлеченный от своей цели и принужденный сбросить вслепую свой груз бомб, является трофеем обороны. Каждый уничтоженный бомбардировщик означает для противника потерю десяти человек команды, прошедших долготелную подготовленную школу и безвозвратную гибель ценного материала.

Операции «летающих крепостей» представляют собой дорогой вид ведения воздушной войны.

С. Немеров

Почтовый адрес журнала

«НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ»:

Schriftleitung „Kosakenposten“

F. P. Nr. 02306

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение*)

XIV

Почему в народе нет ни песен, ни сказаний о Пугачеве? Разин и Пугачев. Ложь Пугачева. «Мели, Емеля, — твоя неделя». Последствия для Донского войска Пугачевского бунта. Подчинение войска Потемкину. «Москва узнала про войско». Войсковое гражданское правительство. Потери Донским войском самоуправления.

Сто лет перед казнью Пугачева на той же самой кремлевской площади палач четвертовал другого донского казака — Степана Тимофеевича Разина.

Сколько красивых, задумчивых песен сложили казаки и Русский народ о Разине! Сколько мест на Волге носит его имя! Он остался в народной памяти.

О Емельяне Ивановиче Пугачеве — ни песен, ни сказаний, ни сказок, ни названий — ничего.

Казаки Зимовейской станицы просили о перенесении станицы на другое место и о переименовании ее. Казаки хотели самое имя Пугачева стереть из своей памяти, как позорное и позорящее имя донского казака. Станицу перенесли на другой берег реки и переименовали в Потемкинскую. Дети и родичи Пугачева получили имя Сычевых. Имя Пугачева угасло на Дону.

Яицк, Яицкое войско и река Яицк были переименованы в Уральск, Уральское войско и реку Урал.

Народ не хотел ничего вспоминать того, что было связано с Пугачевым.

Почему? Разве не был Пугачев подобен Разину? Разве не хотел он так же, как и Разин «тряхнуть Москвою», да и не только Москвою, но и самим державным Петербургом. Почему же народный и казачий суды одного оправдали и воспедали, другого осудили и забыли?

Кто был Разин? Свой... Казак... Молодчина... Гулебщик, «воровской атаманушка»... Воевал Персидское царство! Город Фербад взят! Богатую чужую добычу собрал и уже такой ли богатый в Астрахань пригрянул — любо — дорого смотреть! Нищюю братию деньгами наделял. Никем не брезговал. Душа на распашку. Ну — да! Возил потом так для «большого случая» юношу в черной черкеске, царевича Алексея Алексеевича. Так ведь каждый знал, что это только «так» для простого Русского народа. Ну. Спился! Нашумел не в меру, набегаобразил на Дону... Пришлось его утихомирить, выдать Москве. Но Разин не обманывал. Был Степаном Разиным, гулял, как донской казак Степан Разин и кончил Степаном Разиным. Он был казаком...

Совсем другое был Пугачев. Вся его деятельность была построена на лжи и обмане.

Он и начал с обмана. С чужих людей, с Яицких казаков. Это они «из грязи сделали князя». Трясти Москвою и Петербургом шел не Донской казак Емельян Пугачев — это было бы — лихо! Но шел законный император Петр Федорович отнимать императорскую корону от императрицы Екатерины Алексеевны. И ее же приказывал поминать на обедне, как свою супругу!

Ложь!!

Чего только ни нарбещал Пугачев в своих посланиях казакам и «оказачиваемому» им народу.

«Жалую вас рекою Яиком с вершины до устья». «Жалую морями, травами, денежным жалованьем»... Вместо того — три года кровавых боевых скитаний по заволжским степям и лесам, неистовые казни, убийства, кровопролитные бои. Вместо благодатного края — до тла разоренные станицы и деревни, поруганные алтари церквей, нищета и голод.

Пугачев говорил и писал не как лихой казак гулебщик, но как государь-император: — «Бог за мою прямую к нему старую веру вручает мне царство по прежнему»... В пригороде Осы он торжественно заявляет городским жителям: — «подушных денег, ни рекрут брать не буду» — и тут же потребовал на свою службу в войско по расчету одного и за шести мужиков.

Идя свирепым помещичьим погромом по Волге, указал дворян «ловить, казнить и вешать» — он в тоже время поучает: — «от дворян лучше все деревни отнять и определить жалованье, хотя бы и большое».

Сознавал, что, как государю, ему без дворян не обойтись.

Начал с обмана Пугачев и продолжал обманом и ложью. Оставил о нем народ Русский лишь одну не лестную для него поговорку: — «мели Емеля — твоя неделя»...

Народ Русский и казаки шли не к Пугачеву и не за Пугачевым, но шли к Государю Петру Федоровичу, который будет править по правде и облегчит крестьянам их доли, а казакам Яицким и Донским вернет их вольности. Когда же казаки увидели, что никакого государя нет, но есть буйный казак Пугачев его и выдали властям.

Императрица Екатерина II в награду Войску Донскому за его непоколебленную верность и помощь при преследовании и пленении Пугачева приказала в 1775 году назначить 65 казаков, «самых лучших и способнейших в оборотах казачьих» и отправить их в Москву в почетный конвой Императрицы. Эти казаки были потом переведены в Петербург и составили лейб гвардии казачий эскадрон. Эскадрон этот дал основание Лейб гвардии Казачьему Его Величества полку.

По приказанию Потемкина, заведывавшего всеми казачьими полками, атаман Иловайский для того, чтобы всегда иметь под рукою надежный и хорошо обученный полк постоянной службы собрал в том же 1775-м году из всех станиц войска тысячный полк, получивший наименование Атаманского.

События на Дону за десятилетие конца шестидесятых и начала семидесятых годов XVIII века заставили насторожиться Русское правительство. Потребовалось в корне пресечь самую возможность таких явлений, как самоуправство и хищения атамана Степана Ефремова и появление бунтарей, подобных Емельяну Пугачеву. На своенравного, дикого коня, каким рисовалось Донское казачье войско Петербургу, накладывалась узда.

Полковник А. И. Иловайский, наиболее отличившийся при пленении Пугачева и принявший его из рук Яицких казаков, был проведен в Войсковые атаманы и правил войском двадцать два года.

В июле 1774-го года вице президент военной коллегии, генерал губернатор Новороссийской губернии и главный командир войск, там поселенных, Потемкин был назначен начальником всей легкой кавалерии и иррегулярных войск. Донское, Яицкое, Волжское, Астраханское и Оренбургское казачьи войска, Хоперский, Моздокский, Азовский, Таганрогский, Кизлярский, крепости св. Дмитрия, Чугуевский и Тобольский казачьи полки вошли ему в подчинение.

15-го февраля 1775-го года было повелено: — «к восстановлению в пределах Войска Донского желаемого благоденствия, учредить отныне для правления всех земских дел, Войсковое гражданское Правительство, которому вверить все хозяйственное в пределах Войска внутреннее распоряжение, равным образом сбор всех установленных там доходов и расходов, также все до промыслов, торговли и прочие гражданскому суду подлежащие дела производить на генеральном во всем государстве установлении, с соблюдением данных оному войску привилегий и состоять оному под управлением Потемкина»... Состав этого «правительства» был: — донской атаман, два донских надежнейших и знающих старшины по назначению Потемкина и четыре старшины, избираемых ежегодно войском.

Все военные дела подчинялись атаману, который был подчинен в военном отношении Потемкину.

До смерти Потемкина Черкасск и с ним все станицы Донского войска были перечислены в состав Азовской губернии.

Власть Круга, возможность его и атамана управлять и распоряжаться судьбами войска Донского была уничтожена. Самое войско некоторое, правда недолгое время было стерто с карты: — «азовская губерния».

Не только самостоятельность, но и самоуправление было утеряно войском.

Правы были Яицкие казаки, когда говорили: — «живи, пока Москва не узнала»... Всякая встряска в войсках, бунты, подобные Разинскому, Булавинскому и Пугачевскому будили бдительность «Москвы» и заставляли ее крепче натягивать повод управления непокорным войском.

XV

Влияние походов в Западную Европу на казаков. Строительство церквей. Епископ Воронежский и Черкасский. Войсковая латинская семинария в Черкасске. Публичные училища по станицам. Сравнение в чинах казачьих офицеров с регулярными-гусарскими. Донское дворянство. Войсковая канцелярия. Главное народное училище. Донская гимназия. Промысла. Торговые казаки. Ярмарки. Армяне на Дону. Нахичевань. Новый герб войска Донского.

Вторая половина XVIII и первая четверть XIX века резко изменили жизнь и быт Донских казаков.

*) См. №№ 17—20 «На Каз. Посту».

До этого казаки бывавшие постоянно в походах и поисках знали народы востока, азиатские народы, турок, татар и кавказцев. В свои курени везли они добычу восточную и с нею и восточные нравы.

Тревожная и беспокойная была жизнь по станицам, постоянно прерываемая набегами татар или своими бунтарями. Казак не обзаводился «домашностью», все держал по сундукам, мало беспокоился об украшении своего дома, об улучшении жизни в станице. Но когда граница Войска стала безопасной, когда умолкли бунты и набеги, когда стали казаки не от себя, самовольно и самочинно ходить в набеги за добычей, но стали выставлять полки и ходить целыми большими отрядами на войны веденные Россией, забрасывали эти походы казаков в самые разнообразные страны и государства. Добыча казаков в этих войнах стала меньше и не была такой красочной и яркой. Это были войны, а не разбойничьи поиски. Казак привозил с собою в родную станицу нечто большее нежели самая богатая добыча. Привозил знания и опыт западно-европейской жизни. Являлась жажда к образованию, к познанию жизни, через сравнение крепло сознание своего значения, уважение имени казачьего.

По прежнему считали казака «диким сыном степей», полукочевником, смешивали его с калмыком и татаринном, по прежнему слова «воры казаки» были ходячими о казаках — дикое о казаке было представлением, — а казак тем временем прочно сел на землю, въелся в эту землю и полюбил ее. Он стал садить сады, заниматься виноделием, украшать свой курень заграничными редкостями, стал заботиться о чистоте и уюте, о породности своих табунов и об улучшении скота и птицы. Способный ученик таких полководцев, каким был Суворов, казак и в свое воинское обучение вносил Суворовские заветы.

В красивый вошло обычай у донцов, возвращаясь со службы домой, а тем более возвращаясь с войны, с похода, непременно привезти что нибудь особенно дорогое и ценное для украшения станичного храма. В глухих станицах появлялись иконы художественного итальянского письма в драгоценных серебряных складах заграничной работы (Вешенская станица) свечники и люстры в хрусталях Венецианского стекла; хоругви французского шелка и бархата...

XVIII век покрывает войско большими деревянными церквями.

Первые церкви были построены в станицах Кочетовской, Черновской и Ведерниковской в 1720-м году. С 1720 по 1743 год были построены церкви по станицам: — Старо-Григорьевской, Малодельской и Бурацкой (1722); Усть-Хоперской, Тишанской, Алексеевской и Терновской (1724) Раздорской, Семикаракорской, Усть-Быстринской, Нижне-Курмоярской, Чагавской и Бесергеновской (1720 и 1727 г.); Дурновской, Филоновской, Лукьяновской, Есауловской и Луковской (1728 и 1729 гг.); Митякинской, Еланской, Кумылжинской, Безплемяновской, Орловской и Котовской (1730 и 1731 гг.); Яминской, Верхне-Чирской, Верхне-Курмоярской, Зимовейской, Луганской, Егеревской и Казанской, Кепинской (1732—1733 гг.); Нижне-Каргальской, Верхне-Каргальской, Кепинской и Голубинской (1735 г.), Березовской, в неизвестный поход. Всего с Войска собрали: — 510 офицеров, 20.497 конных казаков, 500 артиллеристов и 500 калмыков. Они составили 41 конный полк, 2 роты донской казачьей артиллерии и инженерный отряд. Вел все войско атаман Орлов, разделивший его на четыре отряда. Первым из 13 полков командовал генерал майор Платов; вторым из 8 полков генерал майор Бузин; третьим из 10 полков генерал майор Боков и четвертым из 10 полков только что вернувшийся из Италии и Швейцарии генерал майор Андриан Карпович Денисов. При отряде Платова была донская артиллерия и инженеры. С ним шел атаман Орлов.

27 и 28 февраля полки со сборных мест выступили четырьмя колоннами в поход. Ни офицеры, ни казаки не знали цели и конечного назначения похода. Было сказано только, что идут к «стороне Оренбурга».

С первых дней похода стали трудности, замедлявшие движение отрядов. Степные дороги были занесены снегом. Пушки и повозки застревают в глубоких сугробах. Казакам приходилось спешиваться и на руках вытягивать орудия, зарядные ящики и «полковые тяжести», как назывались тогда обозы. Нигде не было достаточно домов, где могли бы казаки переночевать и обогреться. Не было топлива для костров. Не хватало провианта, не было ни сена, ни зерна. По ночам казаки и их лошади стыли и озлоблялись на ледяном ветру в голой степи. Днем не кормленные лошади еле брели навстречу страшным бурянам.

В начале марта солнце пригрело и настала дружная оттепель. Ручьи заиграли. Степь размокла. Грязь и топь стали непроходимыми. Каждая балка, каждый ручей стали препятствием. Через ничтожную в летнее время речку Таловку войсковой старшина Папузин с полком еле переправился. Сорок верст шел он по колена в грязи, ища места для переправы, а через самую Таловку переходил по мосту, устроенному казаками из хвороста, огорожей, ворот и крыш, принесенных с ближайшего хутора.

Отряд Денисова первый подошел к реке. Денисов, зная, что на больших реках лед всегда в середине толще и крепче, чем у берега приказал начать переправу. Сигнали мужиков с прибрежных деревень и поставили их с веревками поперек реки. Казаки повели лошадей в поводу. Лошади стали проваливаться. Казаки остановились. Денисов приказал вести своих крупных, заграничных тяжелых лошадей. Они проваливались, но справились, выпрыгнули на лед и пошли. За ними потянулись казаки. До семисот лошадей провалилось, но казаки вытащили их всех. Переправа длилась пять часов.

За Волгой пошли вдоль ее течения, потом по реке Иргизу. Степь становилась пустынее и безлюднее. На Волге минувшим летом был неурожай хлеба, и травы погорели. Комиссионер Теренин не выполнил своего обязательства поставки кормов и провианта. На местах, назначенных для ночлегов, полки не находили зерна, а сено было пополам с мусором. Лошади падали от безкормицы. Путь, пройденный казаками обозначался длинной веревницей вздувшихся конских трупов, да черными стаями ворон. Среди казаков появилась цыганя.

Как ни тяжело было казакам, они шли молча, без ропота. Они знали тяжелую долю казачью, знали, что такое долг строевого казака. Веками обтерпелись в сознании, что «доля казачья — жизнь собачья»...

На заре поднимутся казаки с ледяного ночлега под открытым небом, глянут на восток. Та же безкрайняя, ровная, голая степь... В золотистом тумане зябкое поднимается солнце. Трубочка играет седловку. Кричат урядники: — «седлать!... седлать!!...» Со стоном поднимаются с грязной земли исхудалые кони. Иной уже и не встанет. Будет брошен доморощенный конь в степи. Пойдет хозяин либо пеший при обозе, либо на вьючном коне...

От Дона отошли по пустынным степям около семисот верст и 23-го марта, накануне Светло-Христово Воскресения, казачий отряд атамана Орлова остановился на ночлег в селе Мечетном Вольского уезда Саратовской губернии.

Здесь догнал отряд курьер, посланный в догонку казакам из Петербурга.

В ночь с 11-го на 12-е марта скончался император Павел. На Российский престол вступил его сын Александр I. Курьер привез манифест о вступлении Императора Александра на престол и с ним именной приказ государев: «войску Донскому вернуться домой»...

Еще раз менялось отношение России к иным державам. Поскакали ординарцы и вестовые казаки по полкам с приказом всем построиться.

Атаман Орлов объезжал полк и говорил:

— Жалует вас, ребята, Бог и Государь родительскими домами...

Громовое радостное ура неслось в ответ.

В первый день Пасхи атаман и полки, стоявшие близ Мечетного слушали обедню в Старообрядческом монастыре. После нее в казачьем стане стреляли на радостях из пушек и ружей и первый раз за время похода раздались казачьи удалые песни.

25-го марта, в день Благовещения, полки пошли домой.

Весна наступила. Степь просыхала. Только еще в низинах, по балкам была непролазная грязь.

Между 9 и 17-м апреля полки подошли к границам войска Донского. Хоперские, медведицкие, бузулуцкие, верхнедонские и дощевские казаки были отпущены по домам прямо с границы, остальные с офицерами пошли левым берегом Дона к Черкасску. Атаман Орлов прибыл в Черкасск 2-го мая.

Поход «на Индию» был кончен. Он не состоялся. Потерь в людях не было. Конский состав в общем выдержал путь хорошо. Казаки и их лошади показали большую выносливость. Люди проявили высокое мужество, решимость и святую покорность казачьему долгу.

П. Краснов

(Продолжение следует)

В Пинских лесах

В двадцати километрах от Кобринно, при станции Линово и в поселке Оранчицы, расположена военная группа, в которую входили немецкие солдаты и казаки. Стоял тихий зимний день. Клонило к вечеру. Не переставая, на землю падали насыщенные влагой хлопья белого снега. Небо было низко. Временами оно так низко спускалось, что деревья своими зелеными верхушками упирались в него; и когда небо подымалось, на верхушках оставался толстый слой белого пушистого снега. Он временами обрушивался. Сначала снежный слой ломался; спелзая вниз, он на мелкие частицы разбивался о сучья. Потом снова образовывался снег. И снова падал вниз. Дым опускался низко к земле. Всмотревшись в пушистую снежную поверхность, он словно прятался в нем. Лениво лаяли собаки, опустив хвост. Шарик у соседнего домика, напуганный большой овчаркой, прыгнул в сторону. Проваливаясь с головой в снег, он чихал, болтал головою, прыгал, пробиваясь на утоптанную дорогу.

Выпукло выделялось в снежном поле Кобринское шоссе с его низкими густыми деревьями, телеграфными столбами с множеством тоненьких черных проводов. Снег переставал падать, становилось светлей.

Зачирикали воробьи, и солнце сквозь снежную вуаль глядело на землю. С деревьев, разукрашенных снегом, сыпались искры бенгальских огней. Под ногами снег глубоко оседал, сжимаясь в плотную корку. Снова засыпал снег, но уже мельче, и дым не так низко клонило к пушистой поверхности. Он все выше поднимался вверх. Можно было сказать об изменении погоды, воздух становился суше, небо незаметно подымалось, а вместе с ним в заоблачном мире, к горизонту убегало солнце.

На станции раздавались свистки, доносилось теплое дыхание паровозов, лязг железа, постукивание тормозов, разговор железнодорожников. Временно, так казалось, что снег перестает сыпать на землю.

Выглядывая из за дверей на занесенное шоссе, урядник проговорил:

— Не приедет сегодня сотня.

Дверь прихлопнулась, снова приоткрылась и на порожках расправляя усы, остановился вахмистр Левкин. Он посмотрел по сторонам, сделал два шага вперед и пристально стал глядеть на выпуклую поверхность шоссе, занесенную снегом.

— Да. Бабин прав... — Вахмистр продолжал стоять. Теперь он смотрел на казаков, которые распиливали толстое дерево на короткие чурки. Обращаясь к ним, он говорит:

— Хватит... хватит... Завтра березу привезем. Она как-то и горит лучше и пилить ее легче. — Казаки поднялись на порожки и стали закуривать, толкая один другого и смеясь.

— Господин вахмистр, посмотрите! — казак, который стоял на посту у входа в помещение, где располагались казаки, обращаясь к вахмистру, казaku среднего роста, с большими рыжеватыми усами, в синей шинели, с большим чубом, в фуражке набекрень.

«Что-то не ладное. Поздновато уже», — поправляя саблю, подумал Девкин.

— Это бургомистр. Я его знаю, — вполголоса проговорил вахмистр. Бургомистр шел вперед, глубоко проваливаясь в снег, направляясь к казакам.

— Господин вахмистр, — глубоко дыша, говорит бургомистр, — за селом партизаны проехали.

— Не ошиблись ли вы? — спокойно спрашивал вахмистр, расправляя усы, улыбаясь серыми большими глазами к как бы о чем-то думая.

— Да никак я не мог ошибиться. Сам своими глазами видал. В том месяце они у меня лошадь увели, борова пуда на четыре увезли, — все еще не уравновесив своего дыхания докладывал бургомистр.

— Хорошо... хорошо... Добре! На утро готовь пять саней. Лошадей подбери хороших, — говорит вахмистр.

Из дверей выходит урядник Бабин, совсем еще молодой казачок с полным круглым лицом, густыми черными волосами и приветливыми темными глазами.

— Что случилось? — спрашивает он у Девкина.

— Утром узнаете...

— Утром облаву сделаем в лесу... Никому ни-ни... те... Утром я еще буду видеть тебя, — провожая бургомистра, говорит Девкин.

х х х

Снег перестал, прояснилось. Местами показалось высокое синее небо, которое не было видно целую неделю. Наступил вечер.

В одной из изб за столом сидит человек среднего роста. Тепло. Разговор прервался. Снег, нальпший на стекла со дня, теперь подтаивал и коркой опускался ниже к подоконнику. Снова разговор возобновился:

— Я сегодня, как стемнеет, уйду в Кобринно. Эту записку передайте. — Он подал женщине, которую называл Полей, записочку, проговорил:

— Не забудьте... У меня разговор короткий... — Они оба молчали. Он смотрел на Полю, которая до удовлетворения его страсти была еще завлекательной, теперь она для него была самой обыкновенной женщиной. Она ему уже не нравилась, и чем более он всматривался в нее, тем казалась она ему противней. Он сознавал, что стоит ему не видать Полю несколько дней, как она снова для него становилась лакомым кусочком. Он никогда не скажет, что она противна. Нет, она хороша!

Мужчина в кожаной куртке надел кепи, закурил. Поля пристально смотрела на его рыжие волосы, белые брови; ее взгляд упал на его розовое лицо, обожженное, пятнистое, как молодая кожа, на его неопределенного цвета глаза с длинными, как у теленка, веками. Светлые глаза, немного курносый нос, толстые губы, при чем верхняя губа была большая, вместо усов кое-где торчали белые корни давно бритых волос. Ей стало противно смотреть на эту рожу самца, который прибрал ее к рукам. Она не находила слов для разговора, ей вся жизнь казалась туманной и загадочной, как и этот сказочный лес, в который привез ее муж. Привез для того, чтобы бросить и убежать самому, а ее, беззащитную и неопытную, оставить на страдания и муки. Потом пришел этот комиссар Федотов. Жить стало еще мучительней и тяжелей.

Она глубоко вздохнула. Слюна сохла во рту.

Он встал. С койки взял черное пальто, быстро надел его, застегнул на пуговицы, не прощаясь вышел. Поля вышла следом за Федотовым. Он молча скрылся между деревьями.

Прикрыв ставни, хозяйка вернулась в избу, вслух вырвалось:

— Федотов, подумаешь шинка... Комиссар бывший... Командир без войска... У... у...! И нигде тебя дьявол не

придушат... — Рассуждая, она остановилась, бежали мысли; она думала о своем крае, о родных, а в голове все кружились Федотовы, Петруси, награбленные коровы, свиньи, овцы... На дворе была ночь. Она наложила в печь дровец, пододвинула стул ближе к теплу, села. Потрескивали березовые дрова, на коленях дремал старый кот. Огня не зажигала. Прикрыв дверцы у печки, она постелилась и легла спать. Спала она крепко.

Кто-то так сильно ударил в двери, что Поля проснулась.

В комнату уже вошли знакомые, человек восемь мужчин, предводительствуемые Петрусем. Они приехали не одни. Вместе с собою они привезли трех женщин. Счастливо мужчин и одной женщиной Петрусь облюбовал хату, в которой жила Поля, остальных разместил в двух соседних избах. Отдав приказание, он поспешил к Поле, куда и зашел, застав ее в кровати. Слышались грубые голоса, отборная ругань. Бандиты раздевались, развешивая по стенам оружие, дубленые полушубки, шапки. Все так просто, одним словом, без церемоний. Появились водка и куски сала. Затопили печь... за столом выпивали...

Дежурный по казарме объявил подъем, умывались, потом раздалась команда на завтрак. Вахмистру доложили о приходе бургомистра.

— Проведите его в комнату, — распорядился Девкин. Провожая бургомистра, Девкин позвал к себе урядника Бабина и казака Новикова. Разговор длился не долго. Потом они все вышли из комнаты. Девкин спокойно объявил:

— Казаки, при полном боевом, лишнего ничего не брать, патрон брать по сто штук, построение на дворе. Срок... вахмистр не договорил, снова позвал Бабина.

— О построении будешь докладывать.

— А мне как? — обращался казак, стоящий на посту и уже слышавший разговор вахмистра с бургомистром.

— Как... как... Что это ново, кто сменяет тебя? Кабанов?

— Так точно!

— Прекрасно. Повар, ты и Кабанов — втроем останетесь. Все остальные в лес на вылазку. Он совсем уже решил идти, остановился:

— Чтобы все было в порядке, да борщ сварите вкусный, ну и... — шутел вахмистр.

О готовности казаков к выполнению сложной операции в девственном суровом лесу докладывает Бабин:

— Казаки в количестве пятнадцати, Новиков и я, всего семнадцать, построены по вашему приказанию.

— Вольно! — Вахмистр подошел к казакам.

— Дорогие станичники, за последние дни все наглее становятся бандиты — большевистско-жидовские провокаторы, грабители и террористы. Наша задача — поймать их всех или хотя часть из них. Урядник Бабин, — в голову колонны, с ним идет Новиков. Глаза и уши. — это главное в лесу. Дальнейший маршрут будет ясен без пояснений. Все садимся на сани. Бургомистр едет со мною. Главное дисциплина. Вот и все, если все готовы, значит, с Богом. Он снял фуражку, перекрестился. Еще раз себя осмотрел, строй, потом басом подал команду: «Аррр-ш», — тронулись...

Под ногами глубоко проваливается снег. Идут вперед. Позади остается село, впереди лес. Справа, за селом, напали на след. Пошли по следу, направляясь ближе к лесу, который был не более, как в двух километрах от Линово. Густой непроходимый лес, где без проводника легко заблудиться. Догоняли сани, в которых были запряжены свежие крестьянские лошади.

Бабин и бургомистр идут впереди, следом за ними, раскачиваясь, идет казак Новиков, разговаривая сам с собою: «Ишь ты, пропал... совсем теряя след». Сзади ехали

казаки. Высокие стройные сосны тихо вверх шевелились, временами срывался снег с верхушек. Опустив головы, понуро растянулись лошади с санями по узкой тропинке. Кругом снег ровным слоем лежал в лесу, не так глубоко проваливался под ногами. Развалившись на

саниях, казаки курили, вполголоса рассказывали разные эпизоды из истории банд.

На след то нападали, то снова теряли его. Следы то сходились с множеством других, то все расходилось по все стороны, теряясь среди густых зарослей, словно те, кто прошел, оставляя эти следы, влезали на деревья. От толстого неуклюжего дуба, с опустившимися ветвями, след расходился в разные стороны. Бургомистр и Бабин остановились... Остановился и Новиков. Прядерживая лошадь, с саней встает Девкин.

— Нет следа!

— Пропал! — раздаются возгласы.

— Володя, — обращаясь к Новикову, говорит вахмистр, — может быть устал, садись в сани, а я пройдусь...

Куда там! И не говори... Двадцатый год сравнялся ему, когда-то вместе с Бабиным в школу ходили, за яблоками вместе к деду Пономарю лазили. Все умиляло Володю: лес, снежная зима, неба клочек, молодые девчатки голову кружили, ракиты куст и поцелуй, от которого и сейчас еще хватает за сердце, девка-то та у красных осталась, цветочки, маленькие деревца, приключения... Много здоровой крепкой казачьей силы хранилось у них обоих. Смотрит иногда на них Иван Семенович (так вахмистра звали), а сердце так и радуется. Ни грома они, ни молнии не боятся: в бою вместе, к девчатам иногда ходят вместе, спят также вместе. Чернявые, точно угольком подведенные брови. Первое время Иван Семенович думал, что они братья, а поэтому и взял их из сотни обоих в группу к себе. Иногда он пристально смотрел на свои бритые усы с седым волосом, на красный нос, на густой чуб, на пудренный уже белизной волос. Подолгу останавливался на своих станичниках тяжело вздыхая...

— Да... вот и я такой был... Молодец Володя, орел, одним словом. — Похлопал Новикова вахмистр по плечу, направился к Бабину и бургомистру.

В. Нионов

(Окончание в след. номере)

Т а и с

Повесть (Продолжение*)

II. Пыльный август.

Душная, пыльная жара стояла в августе. Вечерами на красновато-лиловом западном небе полыхали зарницы, перекатывался где-то очень далеко гром, накаленная земля отдавала жар ночному небу. Что-то шевелилось в сохнувшей траве, собаки внезапно принимались лаять в темноту. Пышный свод неба тоже будто тревожно шевелился, мерцая мелкими от горячей дымки искрами и роняя медленно падающие звезды. Спать в комнате было невозможно. Я каждый вечер вытаскивала свою постель на узенькую террасу — её здесь звали коридором — и долго лежала без сна, глядя на дрожащие звезды. Иной раз прибегала Тася, присаживалась рядом со мной и с обычной уклончивой манерой рассказывала свои дела.

— Что-то Тасья вас больно полюбила, — сказала однажды с иронией хозяйка. — А когда вы еще не адрывные лежали, она мне говорила, чтобы я вам чегонибудь подсыпала. Зачем ей, дескать, жить? Все одно, помрет, а барахло, мол, тебе достанется.

— Что вы говорите, Фадеевна?!

— То и говорю. Я ее спрашиваю: ты-то бы, мол, подсыпала? А она мне: а то нет? Мне, говорит, никого не жалко, нехай все погибают, гадский род! Вот она какая. А вы ей эдакую прдстыню ни за что променяли.

Я уже достаточно знала, как беспощадно врут друг на друга лучшие приятельницы на селе, особенно, когда дело коснется тряпья, за которым все охотились: с самого начала войны мануфактура в краю совершенно исчезла, а ранее практиковавшиеся поездки за покупками в большие города, вплоть до Москвы, стали невозможны. Но в этом рассказе было что-то несомненно подлинное, и я с неприятным чувством увидела в этот вечер Тасю. Она пришла, как всегда, довольно поздно, светясь в темноте белым платьем и огоньком папиросы.

— Плохо дело, — сразу же начала она, — сегодня в Каштанове кавалерия ночует. Я там была. Лупим, говорят, без остановки, а те за нами так и катят. Пожалуй, будут у нас бои. Тогда всем нам погибать. В Красногорске вчера вокзал бомбили. Надо окоп копать.

— Господи, куда же мне с малыми детьми, — заговорила Фадеевна, стоя в дверях. — Мужика нет, ну, что я одна накопаю! Надо хоть выход**) смазать. Да на нем и крыши нет.

Она вышла и прислонилась к столбику.

— Что твой-то, носатый говорит?

— Не знаю, не видела я его, — неохотно молвила Тася.

— Если здесь бои будут, должны село эвакуировать, — сказала я.

— Куда его эвакуировать? Отсюда одна дорога — на Кизляр, а там уже, говорят, как сельди в бочке. А на Минеральные и думать нечего, там не сегодня-завтра немцы будут.

Мы замолчали и отчетливо услышали глухой, тяжелый гул грома. «Скоро по иному загремит», — подумали все трое. Фадеевна ушла. Тася наклонилась ко мне.

— Ваню говорит — уезжай, если хочешь живая быть. Немцы придут, всех побьют.

— Ну, не побьют, зачем это им. А сам он уезжает?

— Пока нет.

— Вот ему-бы надо. Ведь он партийный?

*) Начало в № 20 «На Каз. Посту».

**) Выход — погреб, строится во дворе (идельно от хаты).

— Нет, — коротко и сухо сказала Тася.

Получилась пауза.

— А вы не собираетесь уезжать? — спросила она. — Я бы вам с подводой могла помочь.

— Я остаюсь, — так же коротко и сухо ответила я.

Новая пауза.

— Завтра на свиноферме поросят раздадут, — снова начала Тася, — вы за мной после обеда зайдите, вместе пойдем, вам тоже дадут. Да скажите как-нибудь нечаянно, что я у вас долго нынче ночью оставалась.

Дело было ясное. Свекровь сильно мешала жить моей приятельнице. А та, как закусив удила, неслась куда-то, худая, горя и явно переставая считаться с окружающим. Цария совершенно завладел ею, она думала его мыслями, говорила его словами и соблюдала какой-то минимум внешнего приличия только потому, что он желал этого. На нее было жалко и страшновато смотреть.

★

До свинофермы было довольно далеко, и я очень скоро раскаялась, что пошла: такая невыносимая жара стояла в воздухе, наполненном раскаленной пылью. Медное солнце без лучей, еще довольно высоко висело в красном, непрозрачном небе. Грозно было это мутное небо, и грозен был сократившийся, синий горизонт. Далеко в степи, плохо видные сквозь пыль, ползли какие-то обозы, все в одном направлении.

— Все наши идут, — сказала Тася, взглядываясь в даль.

— Ах, что будет!

Мимо нас мягко прокатила по пыльной дороге бричка. В ней ехали двое и кучер. Тася окликнула их, бричка остановилась, мы догнали ее и поехали.

— Совсем собрались? — спросила Тася старшего, полного, тяжеловесного человека. Чемодан стоял у него в ногах.

— Отару провожаю, — отвечал тот с двусмысленной усмешкой.

— А это зачем?

Она тронула пальцем наган, выставившийся из под накинутого на его плечи пиджака.

— А камыши зачем? — вопросом ответил он. Тася глянула на него.

— Понимаю, — медленно сказала она.

Он похлопал по нагану.

— Последнюю себе, — торжественно сказал он и прибавил: — хочешь с нами?

— А Лидку куда? — уклонилась Тася.

Младший, худой, желтый, язвительно усмехнулся. Бричка, увязая в размолотой пыли, спустилась с горы на широкую дорогу, тянувшуюся вдоль обрыва — вероятно, древней береговой террасы Кумы. Тут воздух был еще гуще. Войские части, гурты скота, беженские подводы уже два дня безостановочно проходили здесь. Они-то и подняли тучи пыли, окутавшие все село. У фермы нас высадили. Тася пошла узнавать, как дела, а я осталась ждать ее у ворот.

Маленькая одноколка, набитая солдатскими вещами, стояла под акацией. Худая, мокрая от поту лошадь вытягивала длинную шею и ощипывала пыльные листья. Такой же худой и потный красноармеец сидел на земле рядом и ломал буханку черствого хлеба.

— Что ест, сердечный, — сказала какая-то женщина рядом со мной. — Кабы не стыд, а бы ему хоть плюшку вынесла.

— Какой стыд? Давайте, я ему отдам, — сказала я.

Женщина ушла и вернулась с белой булкой и несколькими яркими помидорами в эмалированной чашке. Я пошла к красноармейцу, он с радостью взял принесенное. Они с товарищем уже с неделю назад отбились от части и нигде не могли узнать, куда им надо двигаться, ехали наудачу в восточном направлении и проклинали безтолковое командование, растерявшее таким образом уже немало людей.

— Далек немцы? — спросила я.

Он махнул рукой.

— Никто вам не скажет. Сегодня далеко, а завтра здесь будут. Мы уж думаем остановиться, пускай в плен забирают.

Я вспомнила рассказы Таси со слов Цхарии о германских зверствах.

— А не боятесь вы их?

— Чего бояться? Такие же люди. Только совестно, без боя сдаваться, вот и едем, а куда — сами не знаем. Вон мой старшина идет.

Подошел второй красноармеец, с нашивками, и сказал:

— Ничего не узнал, все разбежались. Едем, один чорт. Где хлеб взял?

— Вон гражданочка принесла.

— А у вас там, тетка, еще достать нельзя?

Я пошла к женщинам, столпившимся у ворот, и они быстро собрали и принесли довольно объемистый узел провизии. Одна из них сказала то, что думали все:

— Может, моему Саньке какая вынесет...

★

— Опоздали, — сказала Тася, — все уже разобрали и нет никого. Эх, было-бы вчера! Пойдем домой.

Солице не село, но уже не было видно за густой мглой. Наступали сумерки без прохлады и росы. Мы тяжело поплелись назад. Поднимаясь в гору узкой, глубоко врезавшейся в скат дорогой, мы повстречали еще двух бойцов верхом на неоседланных лошадях, небритых, черных от загара и пыли, но необыкновенно веселых, очевидно, выпивших. Тася вдруг остановилась.

— Сергей! — крикнула она.

— А, Тасенька, — приветствовал тот ее широкой улыбкой: — живая еще?

— Ты-то как? Гришу моего не видал случайно?

— Третьего дня видел.

— Где?

Он назвал село в 50 километрах от нас и стал рассказывать. Тася, бледная, слушала, опустив руки и закусив губу. Я медленно пошла дальше. Скоро она нагнала меня.

— Видел он его, говорил, — сказала она жалким, дрожащим голосом. — У забора какого-то он сидел, завтракал, худой, говорит. Ну, не ранятый. Господи, кабы знать, могла-же я к нему поехать, ведь так близко. Три дня там стояли. Сюда просился, не пустили...

★

Два дня спустя в селе не осталось никакого начальства. Царство советов, очевидно, кончилось, другой власти не было. Это был, вероятно, эфемерный идеал анархического государства в миниатюре, странная, неправдоподобная, на долгое время невозможная жизнь. В селе остались почти одни женщины, принявшиеся деятельно растаскивать кровати и стулья из общежития МТС, пшеницу-голубинку семенного фонда, керосин из цистерн МТС, зеленый еще виноград из садов. Жуткая пыль улеглась, снова стало светло и точно спокойно.

Тася по инерции ходила в пустой кооператив, где никто не извещал ее, кроме Цхарии. Они пережили три неожиданно счастливых и тихих дня. О том, что ей рассказали о муже, она, понятно, умолчала, стала только еще страстнее со своим Ваном. Он приписывал это ее боязни

перед надвигающимся неизвестным, с гордостью поддерживал ее женственную слабость своим мужским безстрашием и необыкновенно сблизился с нею.

— Зачем ты остался, Ван? — спросила она его однажды.

Они сидели вдвоем в кладовой Сельпо на высокой куче пустых мешков. Дверь была прикрыта, свет падал узкой полосой из щели, сверкающие пылинки медленно поднимались и опускались на фоне полумрака.

— Нога болит, — ответил он.

— Ван, ведь неправда. Я знаю, зачем ты остался.

Он невольно оглянулся.

— Никого нет, не бойся, — сказала она. — Ты мне ничего не рассказывай, ты только скажи: верно?

Он вдруг решился.

— Верно, — сказал он и взял ее за плечи. — Ты мне будешь помогать, понимаешь? Тут сволочей много, какие теперь радуются. Есть и колхозники, есть и чужие. Вот эвакуированные, эта твоя подруга, что у Фадеевны стоит. Пусть они потом плакать будут. Ты их всех хорошо знаешь, ты мне расскажешь.

И он развернул Тасе целый план подпольной работы, в котором ей отводилась не слишком лестная роль шника. Странное чувство азарта с легким оттенком отвращения охватило Тасю. Она молчала. Цхария смотрел ей в глаза тяжелым гипнотизирующим взглядом, точно одолевая ее слабое внутреннее сопротивление. Она улыбнулась ему покорной улыбкой, соглашаясь на все.

— А потом мы поженемся с тобой, — продолжал грузин. — Ты думаешь, я тебя оставлю? Никогда! Я такую, как ты, еще не видал. Ты моя, и будешь ты моя, всегда, до конца.

— Ван, а если муж придет?

— Не придет, — уверенно сказал грузин. — Наверное, давно уже он убитый. Почему не писал, если живой?

Перед Тасей, как во сне, проплыла широкоплечая фигура мужа, у какого-то забора. Но похудевшее, запыленное лицо было ей чуждо, глаза смотрели куда-то в сторону... Цхария сейчас-же уловил тень на ее лице.

— Ты за него, за него немцам отомсти, — глухо сказал он, и вдруг вскрикнул: — зачем я тебя раньше не знал? Зачем был другой?..

Он повалился лицом ей на колени и неожиданно укусил ее ногу сквозь тонкое платье. Она ахнула, но он уже душил ее поцелуями и сумашедшими ласками, бормоча то по-русски, то по-грузински непонятные слова. Еще на мгновение увидела она резво заплывавшие в солнечном лице пылинки, подумала, что кто-нибудь может войти — и забыла все, отдаваясь крутившему и несшему ее вихрю.

★

15 августа утром раздалось несколько оружейных выстрелов. В селе сразу возникла паника. Кто бросился тащить узлы и детей в выхода и окопы, кто полез глядеть на крыши, на ограды. Оттуда увидели еще, как два-три снаряда ударились где-то в Каштанове, в шести километрах от нас, по ту сторону Кумы. Поднялись столбы пыли и снова улеглись. Что-то поблескивало на солище в городе, но что — разобрать было невозможно. Все опять затихло. Прошло часа два. Люди понемногу вылезли из своих щелей, хозяйки снова взялись за дела. Фадеевна, стиснув зубы, поставила на стол миску борща. Сама она есть не могла и поминутно выходила на улицу с маленьким Васей на руках. У меня тоже от волнения то и дело перехватывало дыхание, но я все-же села с близнецами за стол. Вдруг что-то мелькнуло в окне, и в хату вбежала, как бумага белая, Тася.

— Вы тут сидите, а немцы в Каштанове! — закричала она и упала на табуретку, смотря расширенными, полными ужаса глазами то на Фадеевну, то на меня.

— Куда-ж бежать? — вскрикнула Дада. — Господи, да оглянись Ты на сирот!

Я по контрасту вдруг успокоилась.

— Куда вам бежать? Сидите смирно, ничего не будет. Тася, расскажите толком, что вы узнали.

Тася рассказала, что одна женщина ночевала в Каштанове и только собралась домой, как началась стрельба. Она продолжалась какие-нибудь пятнадцать минут и не нанесла городку повреждений. Через полчаса первые немецкие мотоциклисты показались на улицах. Женщина побежала домой. Никто ее не останавливал. За собой, в Каштанове, она не слышала ни выстрелов, ни каких-нибудь подозрительных звуков, только машины шумели и гудели.

— Свершилось, — думала я, слушая Тасю.

Я смутно воспринимала значение так тихо свершившегося события, как прыжок на иную планету, так же, как в семнадцатом году был совершен прыжок с Земли на другую, странную звезду. Тяжело было привыкать к ее кровью пахнущему воздуху, тяжело было двигаться по ее перегороженной столькими рогатками поверхности. Но

четверть века прожито на ней. Кто знает, как изменился за это время весь внутренний склад человека? Как будем опять вживаться в земную жизнь? Такие-ли мы, как люди, пришедшие к нам с Запада?

Все это были темные вопросы. Однако, со дна души, покрывая робость и то, что следует назвать внутренней ленью, поднималось неясное еще чувство свободы и восторга, может быть, от осязаемой грандиозности происшедшего на моих смертных глазах.

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали Всеблагие,
Как собеседника на пир.*)

В редкие минуты дается вам услышать язык богов в грохоте мировых катастроф. Тогда растворяется и исчезает наше маленькое личное горе или счастье в космически-блаженном сознании единой Судьбы, несущей и меня, малую пылинку, и мой народ, и мою родную планету к далеким и величавым, хоть и непостижимым целям.

Татьяна Левшина

*) Ф. И. Тютчев.

(Продолжение следует)

Казачье поселение в Крыму

После походов русских полководцев Голицына, Миниха и Ласси Крым в 1787 году был объявлен независимым от Турции и присоединен к России. Началось заселение Крыма русскими и украинцами. По указу Екатерины II на поселение первыми выехали донские казаки с семьями, украинцы, солдаты.

Сейчас в Крыму целых казачьих поселений не осталось, за исключением большого села Мангуш, в 10 км от Бахчисарая.

Жители села Мангуш — правнуки донских и украинских казаков и русских солдат. Они гордятся своими дедами, свято хранят обычаи предков.

В Мангуше, расположенном среди лесистых гор, суровая дикая природа. Здесь голые камни, обрывы и непроходимый лес. Казаки обжили эти места, сроднились с камнями и лесами, построили прочные дома, разбили фруктовые сады, выстроили большую церковь, колоды, на небольших полях развели табак, сели пшеницу, подсолнух, а в горные балки выгоняли стада рогатого скота, баранов и свиней. Весело, хорошо, сытно жили казаки-мангушане; работали дружно, крепко; по праздникам ходили в церковь, распивали медовую брагу, фруктовое вино и в задумчивых песнях своих вспоминали дедов, их ратные дела и славу былых дней.

С приходом советской власти в Крым гроза разразилась и над этим селом. Началась коллективизация, и мангушане восстали.

Проясилось и в Крыму кровью казачья. То угрозами, то насилем и высылкой сломали большевики упорство мангушан и надели на них ярмо колхозной принудительности.

...В 1941 году забурлил Мангуш, как осенний рой. Тревожны ночи. Унылы дни. На сердце смятение, страх.

— Помните, братцы, вашу кровавую обиду, — говорили старики. — Вольшевикам ковец подходит, не со смертью германцы идут к нам. Чтоб ни один хлопец не шел на фронт! Все-в лес. Придут германцы, тогда объявитесь. А мы, старые, добро здесь будем хранить.

Послушались молодые стариков. Многие ушли в лес. А когда жидовские комиссары узнали, что мангушане уклонились от мобилизации, они саранчей налетели на село и ограбили его до тла. Но старики кое-что припрятали. В тяжелые прифронтовые дни германские и румынские солдаты находили в селе Мангуш и пищу, и питье, и теплую заботу настоящих друзей.

...Минуло два года мирного труда. Ласково сияет крымское солнце над Мангушем. В праздничные дни вновь слышен благовест. Чинно, по-старинному идут люди в Божий храм.

Улицы чисты. Дома побелены, опрятны. Сады красуются яркими плодами, на полях заскородован скошенный хлеб, а на табачных плантациях цветет ароматный табак. —

Мангушане по-старинному много трудятся. У каждого крестьянина от одного до полутора гектаров приусадебной земли, свой огород, сад. В селе до 300 гектаров общинного посева. Хлеб в полях весь убран и заскородован, кончается молотба. Идет ломка табака.

Сейчас в селе готовятся к большому празднику. За образцовую работу в ближайшие дни община Мангуш выпускается, и крестьяне-казаки получают землю в личную собственность. Исполняется заветная мечта всех мангушан. Они снова заживут широко, привольно!

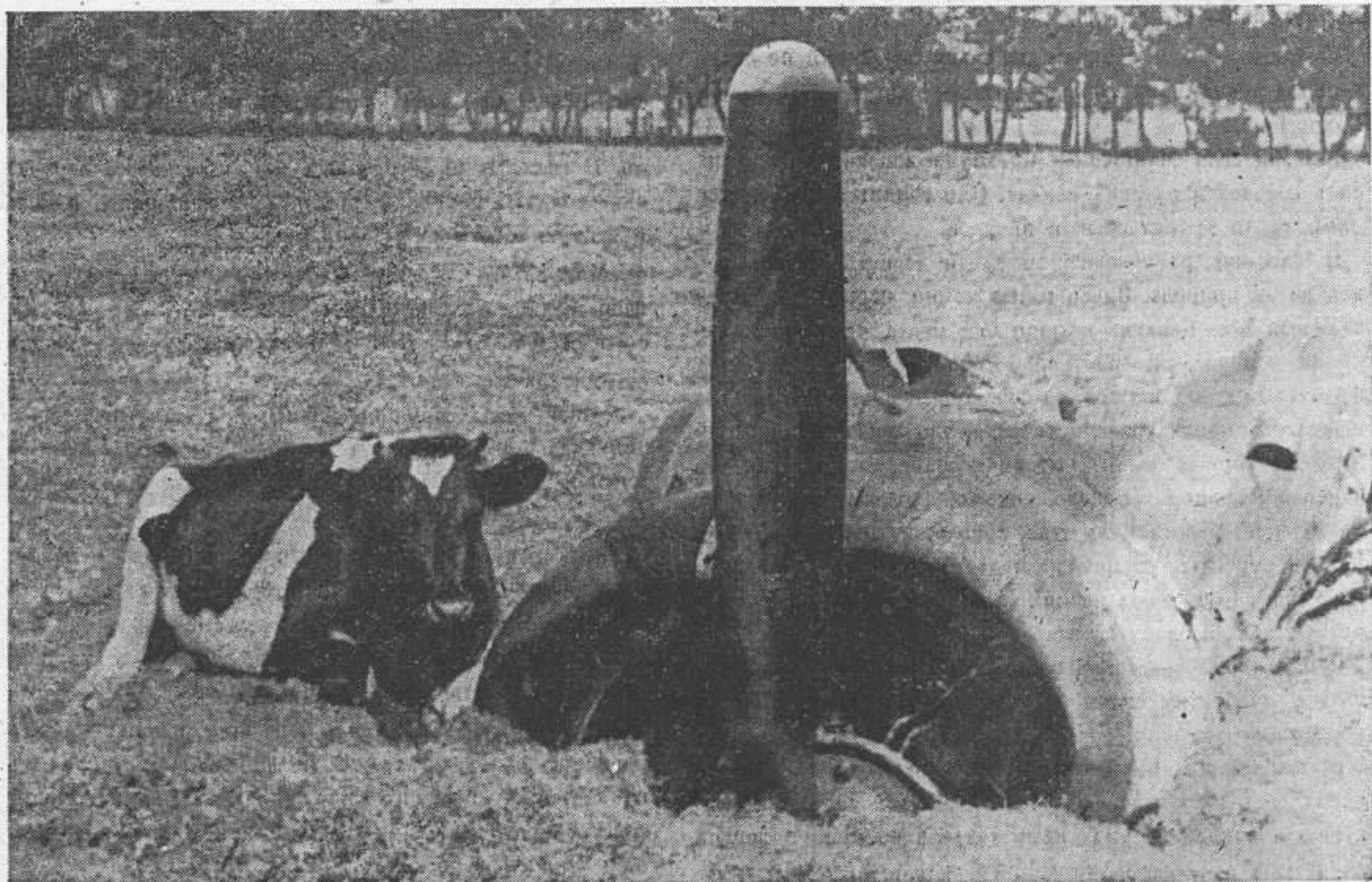
Г. Ижевский

ЛИКИ

Гулким эхом отдаются в лесу бодрые звуки марша. Впереди предстоят бои, но пока оркестр — лучший друг пехотинца

Самолеты приближаются к намеченной цели, которая через минуту превратится в гигантское пламя

Мирно отдыхает на лугу корова около врезавшегося в землю мотора сбитого самолета

ВОЙНЫ

Пестрая кампания. Группа пленных состоит из партизан и чинов регулярной Красной армии, совместно участвовавших в одном бою

После одного сражения, по свидетельству захваченного в плен красного офицера, из 300 наступавших красноармейцев уцелело лишь 14 человек

Взвод горной батареи меняет позицию

Казачья братия — Виноградовы

Война разметала людей в разные стороны, раскидала их по всему свету.

Разъединила она и братьев Виноградовых, Онуфрия и Андрея.

В самом начале войны Андрей служил на «действительной» в Красной армии, а старший — Онуфрий «хозяйствовал» с матерью в станичном колхозе. И казаков советская власть зажала в колхозы! В первые же дни войны Онуфрий большевики тоже забрали из «запаса» и отправили на фронт.

Так и потеряли братья друг друга, ни Онуфрий об Андрее, ни Андрей об Онуфрии ничего не знали.

Как только представился случай, добровольно перешел казак Онуфрий Виноградов на сторону немецкой армии и вступил в формировавшиеся казачьи части по борьбе с большевизмом.

Часть, в которой состоял Онуфрий, была направлена в район города Н. и неоднократно с доблестью охлаждала наступательный пыл большевиков. После одной серьезной боевой операции казачья часть Онуфрия Виноградова была стведена на отдых в тыл, где находились немецкие части.

В один из погожих осенних дней Онуфрий пошел в город.

Он шел, задумавшись, по улице и совершенно не заметил шедшего ему навстречу солдата. Тот, поровнявшись с Онуфрием, поглядел на казака, прошел несколько шагов вперед, остановился и опять посмотрел вслед Онуфрию.

— Друг! — окликнул он его.

Онуфрий замедлил шаг и взглянул на окликнувшего его солдата. Вглядевшись пристально в лицо добровольца, он замер от удивления, и суровость на его лице сменилась светлой улыбкой, открывшей ряд крепких белых зубов.

— Андрей! Неужто ты? — радостно воскликнул он, делая несколько шагов навстречу брату.

— Онуфрий! — воскликнул Андрей.

— Вот где привелось свидеться!

Братья крепко обнялись.

Охватившая их радость спутала сразу все мысли и слова. Смотри друг другу в глаза пошли они по городу — казаки, братья Онуфрий и Андрей Виноградовы.

— Значит, Онуфрий, мы с тобой за одно дело пошли? — радостно спросил Андрей.

— За одно, за единственное! — весело отозвался Онуфрий.

Аль-Пэ

Встреча друзей — врагов...

На Криворожском фронте в крупное село Д. внезапно ворвался большевистский разведывательный отряд. Бывшие в селе казаки, эвакуированные из казачьих областей, не испугавшись этого внезапного вторжения, переоделись. Когда прошел слух, что в селе красные, донской казак П., с хутора Н-ского из-под Новочеркасска, выбежал из хаты и хотел укрыться в саду. Отбежав несколько шагов от дома, он столкнулся с всадником, въезжавшим во двор с задней стороны сада. Конный красноармеец, вооруженный приготовленным к бою автоматом, был одет в рваную серую шинель, но зато на ногах его красовались новенькие желтые английские ботинки. Столкнувшиеся мужчины на миг остолбенели. Всадник соскочил с лошади, остановился против донца и впился в него глазами. Несколько секунд оцепенения. И вдруг... красноармеец-боец с криком радости бросился к эвакуированному с Дона казаку. В глазах донца поплыл туман. Он не сразу понял, почему его приветствует враг...

Оказалось то, что редко случается в жизни. Лицом к лицу стояли два старых друга, два брата по каторге дальневосточных лагерей особого назначения...

...Было время, когда донского казака, родом из-под Новочеркасска, сослали в каторгу на Дальний Восток. Побывал на Колыме, на берегах сурового Амура — в Комсомольске, в центре дальневосточной принудилловки — городе... Свободном и пять лет подряд провел в Хабаровске при главном управлении лагерей. И все эти пять лет с ним вместе отбывал срок, ел, пил и спал во вшивых сырых бараках встретившийся сейчас с ним на украинском фронте, бывший лагерник и «враг народа», а ныне сталинский боец.

Красноармеец спросил старого и дорого друга по лагерям:

— Ты что, здесь живешь?

— Нет, — ответил казак.

— А что? Бежишь?

— Да.

— А почему не остаешься у нас? У немцев служил, что-ли?

— Да, служил. Жиды когда-то загнали меня в лагерь, а теперь беспощадно казнили бы. Вот я и бегу.

— Да, это правда. Жиды пощады не дают и не дадут, — тихо ответил донцу его друг красноармеец... и продолжал:

— Мы, разведка, долго здесь не будем. Уйдем, а ты уезжай отсюда подальше в тыл и жидам не попадайся.

Через 3 дня друзья расстались. Разведка убралась во свояси и с ней ушел обратно друг донца. Боец, волею Сталина брошенный в огонь войны, никому не рассказал о казаке, ушедшем от сталинского террора.

Так встретились и расстались друзья, но расстались они не надолго. Они встретятся снова.

А. Державин.

В горах Боснии

Из письма казачьего офицера

С 1 января мы сражаемся в Боснии, ходим по горам и уничтожаем партизан и их убежища...

Оригинально, как построена у партизан пропаганда. На знаменах у них надписи: Да здравствует товарищ Сталин!

Какие идиоты!

Мы им говорим — вам не надо стрелять, мы вам Сталина и без войны даром отдадим...

Недавно было большое сражение. Они напали на мое подразделение, я подпустил их на сто метров и дал залп из 10 пулеметов и 4 орудий. Очень скоро черестали они кричать «вперед!»

Жизнь в общем интересна и я очень доволен, что нахожусь в такой боевой и веселой обстановке.

Спасение кубанских регалий

В феврале 1917 года, когда стала угрожать опасность Екатеринодару от надвигавшихся на него масс красных банд, перед Правителями Кубани встал вопрос о необходимости спасения Войсковых Регалий.

В то время особенным мужеством и решимостью бороться против большевиков выделялась ст. Брюховецкая со своим Атаманом **И. С. Шевелем**.

Туда и решено было вывезти Регалии и передать их на хранение станице.

Регалии были упакованы в несколько ящиков и без шума и рекламы перевезены в ст. Брюховецкую. Здесь их приняло станичное правление и при помощи верных и крепких духом казаков регалии хранились сначала в одном из казачьих домов, а когда это стало казаться не безопасным, перевезены в поле и зарыты в землю.

По освобождении в 1918 году Кубани регалии были извлечены из своего хранилища и перевезены в Екатеринодар.

Полгода, проведенные в земле, не прошли для них незамеченными — часть знамен покрылась пятнами и истлела, а некоторые грамоты подмокли.

Ровно через два года, в феврале 1920 г., вновь выяснилась невозможность отстоять Кубань и опять возник вопрос о том, как и где сохранить наши Регалии.

На этот раз решено было отправить их за границу. Для сопровождения их и хранения за границей была назначена делегация в составе: Председателя — генерал-лейтенанта **П. И. Кокунько**; генерал-майора **С. П. Звягинцева**, полковника **В. Л. Белого**, войскового старшины **Семикобылина** и профессора **Ф. А. Щербины**.

20 февраля 1920 г. делегация выехала из Екатеринодара, увозя Войсковые Регалии, упакованные в 12 ящиков.

Делегации было предоставлено право избрать страну для временного хранения регалий. Она избрала Сербию и прибыла в Белград 5 апреля.

Здесь Регалии были сданы на хранение в Географический институт, помещавшийся до 1928 г. в Зимуне, а затем переведенный в Белградскую крепость.

Регалии хранятся с особо ценным имуществом института, в сухом и теплом каземате, под охраной часового.

В течение десятилетнего хранения за границей Войсковые Регалии, согласно приказа Войскового Атамана, дважды осматривались и проветривались.

Впервые это было сделано 16-го сентября 1922 г. и вторично 21 и 22 июля 1930 г.

В каком состоянии находятся Регалии в настоящее время — видно из нижеприведенной выдержки из акта комиссии об осмотре Регалий:

«12 ящиков с Войсковыми регалиями и имуществом разных строевых частей Кубанского Войска хранятся сложенными в Картографическом отделении Географического Института, в надежно запирающемся помещении с железными решетками на окнах.

При наружном осмотре оказалось, что один из ящиков — железный, запаянный, остальные ящики деревянные, крепко забиты гвоздями и обтянуты железными обручами. Укупорка найдена исправной и лишь на некоторых оказались перетертыми веревки и повреждены печати.

Первым был вскрыт деревянный ящик № 1. В нем оказалось канцелярское имущество и дела канцелярии Думы ордена «Креста спасения Кубани»; 2 пишущих машины, вполне исправных, в футлярах; 5 связок книг ордена «Спасения Кубани»; связка послушных списков и др. до-

кументы и канцелярские принадлежности, поименованные в описи приобретенной к настоящему Акту. Т. к. содержимое ящика не соответствовало описи № 1, то он был перенумерован под № 9.

Вторым был вскрыт ящик № 3 в котором найдено:

21 знамя Войска верных казаков Черноморских и полковых;

15 куренных знамен и значков;

1 насека Наказного Атамана Кубанского К. Войска;

2 копии телеграмм Наказного Атамана Военному Министру и Наместнику на Кавказе и

6 докладов Военного Министра с резолюциями Императора Николая II.

Третьим был вскрыт ящик № 2, котором оказалось:

Большое серебряное блюдо с надписью «Кубанцы», с солонкой;

Серебряное блюдо от г. Ейска с солонкой;

Серебряное блюдо с надписью «Черноморскому Войску от Екатерины II» — 1792 г. 13 июля;

Серебряное блюдо Черноморскому Войску от Александра I;

12 серебряных Георгиевских труб;

4 Георгиевских серебряных трубы, пожалованные за войну 1877-78 г.г.: из них две трубы без мунштуков;

12 серебряных труб Гвард. дивизиона, одна без мунштука.

18 малых перначей и пернач Войск. писаря (начальника штаба);

14 малых булав, 2 больших булавы, 5 больших перначей;

1 блуза Сумарокова — Эльстона, 1 посох и значек 2 Кубанского конного корпуса с надписью — «2 К. К.».

Четвертым был вскрыт ящик № 4, в котором было:

29 куренных знамен и значков, значек Наказного Атамана Кубанского каз. Войска, секира, 15 коробок с негативами (снимки некоторых регалий) и одна копировальная рамка.

Пятым был вскрыт ящик № 6, в котором оказалось:

5 куренных значков, футляр насеки Наказного Атамана Кубанского каз. Войска;

18 войсковых и полковых знамен (а не 17, как значится в описи Войскового имущества, составленной в Екатеринограде в Войсковом Штабе и находящейся на руках у Председателя Делегации ген. П. И. Кокунько.

Во вскрытых ящиках все предметы оказались налицо, согласно упомянутой выше описи, находящейся на руках у Председателя Делегации ген. Кокунько.

По просушке и проветриванию все вещи снова были сложены в те же ящики, из которых они вынимались, за исключением насеки Наказного Атамана, которая была изъята из ящика № 3 и вложена в свой футляр, ящик № 6.

Ящики: № 1 — с Войсковыми грамотами, оцинкованный, № 5 — с Черноморскими литаврами и мраморной доской Кубанского Войскового Штаба и 5 ящиков с имуществом строевых частей:

а) 3 ящика Кубанского гвардейского дивизиона;

б) 1 ящик Екатеринодарского полка и

в) 1 ящик Уманского полка, а всего 7 ящиков, по решению членов Делегации, вскрыты не были, т. к. Войсковое имущество, находящееся в № 1 и № 5, порче не подвержено, а хранящиеся в остальных 5 ящиках предметы являются частным имуществом строевых частей, представители которых при вскрытии и осмотре регалий не присутствовали.

Как разыскать своих родных

В последние годы, вследствие военных действий на Востоке, многие потеряли связь со своими родными. По объявлениям о розысках в газетах, издаваемых в освобожденных областях, а также и при помощи газет для добровольцев, многим удалось эту связь восстановить. Но продолжает и теперь поступать множество просьб о розысках как от добровольцев, так и жителей освобожденных областей, а также и от проживающих в Германии рабочих, вносящих своим трудом свой вклад в дело борьбы с большевизмом.

Дабы пойти навстречу этому желанию восстановить и сблизить связи с близкими людьми, Военное Командование решило учредить несколько центральных розыскных бюро, которые, в пределах возможности и посколько позволит имеющийся в их распоряжении материал, должны удовлетворить эту насущную нужду.

Речь идет о четырех центральных бюро, разделенных по территориальному признаку, о чем говорится ниже. По нижеуказанным «Фельдпостномерам» (номерам полевой почты) и следует направлять все запросы, для чего следует пользоваться специально отпечатанной «Фельдпосткарте» (открыткой полевой почты), выдающейся по требованиям начальниками соответствующих немецких учреждений:

Бюро № 1: Zentralauskunftsstelle I — Feldpost № 57800.

По этому адресу следует направлять просьбы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР: Краснодарский Край с Автономной Адыгейской областью, Орджоникидзевский край с Кизлярским районом, Автономной Карачаевской областью и Автономной Черкесской областью. Ростовская область. АССР. Дагестан. Кабардино-Балкария. Калмыкия. Крым. Северная Осетия. Чечено-Ингушетия.

Р О З Ы С К И

Чины одной казачьей части разыскивают следующих лиц:

Аузиц Петр Андреевич, эвакуиров. из ст. Степная, Кубанской области.

Пахно Михаил Степанович, рожд. 1913 г. ст. Марьинская Кубанской области.

Жук Нина Степановна, рожд. 1912 г. ст. Гайдук Кубанской области.

Жук Лидия Михайловна, ст. Гайдук Кубанской области.

Крылов Пантелеймон Филиппович, рожд. 1891 г. хутор Буденный, Р. Несветыйского р-на Донской области.

Крылова Ольга Семеновна, 1906 г., хутор Буденный, Р. Несветыйского р-на Донской области.

Труфанов Иван Михайлович, рожд. 1895 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Труфанов Иван Кондратьевич, рожд. 1897 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

УССР: Области: Запорожская, Николаевская, Одесская, Сталинская.

Автономная ССР Молдавия. Азербейджанская ССР с АССР Нахичевань и Автономная Северо-Осетинская область (ССР Грузия).

Бюро № 2: Zentralauskunftsstelle II — Feldpost № 11900.

По этому адресу направлять запросы о розысках лиц, урожденных или проживавших в следующих местностях:

РСФСР. Области: Воронежская, Курская и Сталинградская с Астраханским районом.

Украинская ССР. Области: Винницкая, Волынь, Ворошиловградская, Днепропетровская, Житомирская, Каменец-Подольская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Ровенская, Сумская, Харьковская, Черниговская.

Бюро № 3: Zentralauskunftsstelle III — Feldpost № 19000.

РСФСР. Области: Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская.

Белорусская ССР. Области: Барановичская, Брестская, Вилейская, Витебская, Гомельская, Минская, Могилевская, Пинская, Полоцкая.

Бюро № 4: Zentralauskunftsstelle IV — Feldpost № 39609/Ru.

РСФСР. Область Калининская с районом Опочка. Ленинградская область с районами Кингиспепским и Пековским.

От Редакции. Доводя до сведения наших читателей — казаков и уроженцев казачьих краев, — о настоящем извещении Германского Верховного командования, редакция обращает внимание на необходимость при запросах перечислять имя, отчество, фамилию разыскиваемых ими лиц, дату и место их рождения — те же данные, с прибавлением своего «Фельдпостномера», сообщать при запросах и о себе.

Демченко Федор Иванович, рожд. 1891 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Куценко Василий Андреевич, рожд. 1900 г., уроженец города Темрюк.

Куценко Вера Филипповна, рожд. 1905 г., уроженка города Новороссийск.

Параскивиди Нина Пантелеевна, рожд. 1927 г., г. Новороссийск.

Абраменко Иван Николаевич, рожд. 1898 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Завелицкий Яков Семенович, рожд. 1896 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Унтевский Степан Степанович, рожд. 1907 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Труфанов Василий Филиппович, рожд. 1912 г., ст. Гиагинская Кубанской области.

Откликнуться просят по адресу:

Oberleutnant Gondarenko F.P.N. 56400.